

ПОТЕРЯ

(Повесть)

Крик его наполнил всю комнату: “Я ненавижу тебя. Никогда тебя не любил и не смогу полюбить. Ты отравила, погубила мою жизнь. Я готов на все, чтобы больше тебя не видеть. Ты ничто для меня, слышишь, ничто! Ну что ты за мать! Кроме себя, кроме работы своей ничего тебя в жизни не волновало. Ты никогда не интересовалась тем, как я живу. Все в тебе фальшиво - с головы до ног, ничего в тебе нет естественного”.

Взгляд у него был таким, словно он хотел раз и навсегда излить на нее всю свою ненависть. Будто это успокоит его нервы, натянутые, как тетива, поможет избавиться от переживаний, тяжелым грузом давивших на сердце. Только злость его никак не стихала, словно бушующий поток, разрушающий, валяющий, вырывающий с корнем все на своем пути.

Ему было нестерпимо тяжело осознавать, что эта белолицая, полная и рослая женщина - его родная мать. Все в ней было ему ненавистно: взглядом, осанкой, всем обликом своим она казалась ему настолько чужой, что его бросало в дрожь, как от мороза. Видеть ее стало мукой. Ему было стыдно за мать. Он готов был обрушить на нее любую брань, всевозможные проклятья. Сделай он это, может быть ему и стало бы легче, могла бы растаять горечь, ядом разливавшаяся в его груди. Какой-то внутренний голос призывал его взять себя в руки, быть сдержанным и терпеливым. Но этой выдержки ему и не доставало.

Беспокойный и нетерпеливый по натуре, сегодня Сахиль никак не мог совладать со своими чувствами. Боль, копившаяся годами в его душе, муки, которые приходилось ему испытывать, будто именно этого дня и ждали, чтобы излиться как ливень, обрушиться градом на голову матери. Только после этого, казалось ему, он сумеет заснуть безмятежным сном, как могут спать невинные дети. Вот уже сколько лет ждал он возможности высказать в лицо своей матери все, что о ней думает, но случай не подворачивался. А теперь вот

вдруг ощутил в себе неожиданную смелость, выложить перед нею все, что тревожит его. И с каждым словом ему становилось легче. Он продолжал свой гневный монолог, расхаживая по комнате, скрестив за спиной руки.

- Ты погубила мое детство, а затем и юность. Я всегда завидовал моим сверстникам. Всегда стеснялся их. Не помню, чтобы я смеялся от всей души, чтобы было легко на сердце. Я горько плакал, как только оставался один. У меня чуть сердце не разрывалось от зависти, когда я присматривался к другим детям, их родителям, взаимоотношениям между ними. А в нашем доме все было иным, ненастоящим, во всем сквозила какая-то фальшь. У нас не было нормальных человеческих отношений, которых мне всегда не доставало. Ни ты, ни отец не были для меня настоящими родителями. Правда, отец был не таким черствым, как ты, но и он изменился твоими стараниями, стал похож на тебя. Он, видно, всю жизнь был у тебя под каблуком.

Сахиль вздохнул и смолк. Но его распирало от чувств и он вновь заговорил о своих обидах:

- Я всегда стыдился того, что я твой сын. Я этого и теперь стыжусь. Если бы можно было менять родителей, я бы сделал это без малейшего промедления. Ты слышишь, я говорю об этом без зазрения совести. Рано или поздно ты должна была услышать от меня эти слова. Я не умею лицемерить. Говорю то, что думаю. Ты - не мать.

"Ты", "ты", "ты"... - Фазилат чувствовала, как прямо в грудь ей наносятся удары. Было больно, словно от множественных ран кинжалом. Ей казалось, что она вся истекает кровью. Опустив голову, глянула на грудь - никакой крови. Так что же это за боль?

"Ты", "ты", "ты"... - Сын будто к земле пригвоздил ее своими словами. Ей не верилось в то, что она слышит. Не могла понять, осознать этой речи. В самом ли деле слова сына относились к ней? Против нее ли все эти обвинения? Заслужи-

вайт ли она этого презрения, эту ненависть к себе? Может быть, все это снится Фазилат? Ведь наяву такого не может происходить. Лучше уж выждать, очнуться ото сна, все станет на свои места, все прояснится.

Но нет, это не было сном, все происходило наяву. Реальность выносила ей свой горький приговор. Она была готова провалиться сквозь землю. Сын бросал ей в лицо жестокие слова в присутствии невестки. Фазилат никак не могла оправиться от этих слов. Она чувствовала себя, словно как больная после наркоза. Ей трудно было управлять своим телом, будто вдруг очутилась в невесомости. То, казалось, она взмывает вверх и неподвижно парит в пространстве, то шлепается гулко об землю, потеряв равновесие, не находя в себе сил ни для того, чтобы сполна осознать смысл резких упреков собственного сына, ни для того, чтобы возразить им. Ей даже начинало казаться, что она пригвождена его обвинениями к стулу, на котором сидит, не смея ни пошевелиться, ни заговорить. Боялась - родного сына боялась.

Фазилат смотрела на побледневшее лицо и дрожавшие руки сына, чувствуя, что сама виновата в его срыве. В себе самой она находила причины всех душевных мук, беспокойного, нервного, тревожного состояния, в которое впал ее сын. Ведь ни с того, ни с сего никто не станет бросаться такими словами, выдвигать столь тяжкие обвинения. Видно, он говорит про то, что давно уже не давало ему покоя, тербило душу.

Видно, где-то далеко-далеко брал свои истоки этот гнев, готовый половодьем снести все преграды, плотины, ничего и никого не щадящий на своем пути. Много, очень много времени понадобилось для того, чтобы этот поток настиг наконец Фазилат.

Так, а где же была Фазилат, почему в свое время не догадывалась ни о чем, почему материнское сердце оказалось до

того слепым, что она не сумела предвидеть всего, что ее ожидает?

В покрасневших глазах Сахилия было столько злости, что Фазилат и не знала, что ему ответить. Она была потрясена, ей не хватало воздуха, она задыхалась, как рыба без воды.

Натаван решилась возразить мужу:

- Сахиль, опомнись, подумай, что ты говоришь матери?

Но Сахиль прикрикнул на нее:

- Лучше перестань лицемерить. Ты знаешь, что я прав.

- В чем же ты прав, сынок? - спросила Фазилат приглушенным голосом, не в состоянии выдерживать всей тяжести боли, что легла ей на сердце. Это больше походило на зов о помощи, на стон, чем на вопрос. Будто Фазилат была на дне глубокого колодца, где задыхалась. Воздев руки вверх, она умоляла сына выволить ее оттуда, а сын взирал на нее сверху с жестоким гневом, неуступчивым высокомерием, нераспотимой ненавистью, не допуская и мысли о том, чтобы помочь своей матери, выволить ее из этой ямы. Фазилат показалось, что она вот-вот задохнется. Ей не хватало воздуха. По всему телу начала разливаться какая-то горячая волна, которой обдало ей сердце. Дрожащими руками она расстегнула ворот платья. Но это никак не облегчило ее состояния.

Сахиль видел, что ей стало плохо, но притворился, будто ничего не замечает. Видно, никак не затухало в его сердце пламя гнева.

- Вы вместе с отцом погубили мне жизнь. Я не могу простить вам этого и никогда не прощу. Сколько раз ты меня избивала по пустякам или отца заставляла меня избивать! Тебе доставляло удовольствие видеть, как я мучаюсь, как я плачу. Но никогда тебя не интересовало, как я живу.

Фазилат со страхом смотрела в его большие черные глаза, не находя, что возразить ему в ответ. И это был ее сын, ее родной сын. Только недавно ему исполнилось 25 лет.

"Вправду ли это мой сын? Тот ли это, кому я дала жизнь?"

Кого вынашивала в чреве своем в течение девяти месяцев, с нетерпением ожидая появления на свет, любовью своей излечивала каждую хворь его, возлагала надежды на его будущее? Он ли мой воздух, свет моих очей, смысл жизни моей, моих мечтаний? Разве можно быть одновременно столь близким и столь далеким? Столь родным и столь чужим? В каком же уголке своего сердца он выпестовал столько ненависти к своей родной матери? Как это произошло? Зачем?"

От взгляда сына веяло ненавистью и холодом. Во всем облике этого человека, обвинявшего собственную мать в равнодушии, вместе с безнадежностью и отчаянием чувствовалась отчужденность. Было видно, что он вовсе не мучается из-за своей резкости и грубости. Собственно, именно это больше всего и ранило материнское сердце. В глазах у Сахилья не было ничего теплого, родного, - так можно смотреть лишь на чужих людей, на случайных прохожих на улице.

Схлынула, отошла горячая волна, что разлилась по телу Фазилат, теперь ее бросило в холод. Она почувствовала себя позабытой, брошенной всеми круглой сиротой, зябко съжилась в своей одежде, будто в ветхих лохмотьях. Суставы сводило нестерпимой болью.

- Сахиль, ты веришь в то, что говоришь? - спросила она с тревогой и страхом. Вопрос прозвучал скорей как восклицание.

- Конечно же, верю. Ведешь себя так, словно ни о чем и не ведаешь. Что ты сделала для меня? Раскрой же пошире глаза, взгляни, чего только не делают матери для своих сыновей.

- Что же они делают? - Фазилат утерла туманившую взгляд слезу беспомощно сжатой в кулак рукой.

- Обеспечивают нормальной квартирой, покупают автомобиль.

- Значит, нужно расстреливать родителей, которые не могут этого себе позволить, так?

- Нормальные родители имеют все возможности.

- Ни мои родители, ни родители твоего отца ничего нам дать не могли, мы все добывали собственными руками. Но несмотря ни на что, мы чтим своих родителей.

Сахиль усмехнулся с издевкой:

- Вы всю свою жизнь жили за счет моего деда и бабушки.

- Нет, сын мой, ты ошибаешься.

- Не называй меня своим сыном! Ты на это не имеешь права. Как быстро ты забыла то хорошее, что сделали дед и бабушка!

Фазилат никак не могла совладать со своими слезами:

- Значит, я была плохой матерью?

Сахиль вышел из себя:

- Еще спрашиваешь? Ты не имеешь никаких материнских чувств, - он будто только теперь увидел ее слезы, отчего еще больше распалился, и глядя ей прямо в глаза, воскликнул, - послушай, не пытайся казаться мягкосердечной, не стоит плакать, я слез терпеть не могу. Слезами не смоешь грехов своих. Запомни, на свете я в долгу только перед двумя людьми - перед бабушкой и дедом. Они и были настоящими родителями для меня.

- Сын мой, опомнись, уж очень тяжелы твои обвинения. Нельзя так, не говори не подумав, не говори всего, что в голову взбредет. Почувствуй ответственность за свои слова, - сказала Фазилат до того жалким, до того упавшим голосом, который показался странным и ей самой.

- Началось! Не нужно поучать меня, я уже достаточно ученый.

- Откуда же в тебе столько ненависти, сын мой? Мне это трудно понять.

- Откуда? Будто не знаешь. Конечно, от вас. Вы ничему, кроме ненависти, не смогли меня обучить.

Фазилат видела в его покрасневших глазах какую-то пустоту, бездушность. Его жестокие слова, беспощадная логика ог-

нем жгли ей сердце. Для нее это было уж слишком - он еще ни разу не доходил до такой агрессии по отношению к ней. Его состояние нельзя было назвать нормальным. Человек в здравом рассудке не стал бы так говорить, так двигаться. Руки у него тряслись, то он входил на кухню, то выходил оттуда, с силой хлопая дверью. При каждом таком ударе начинали громко реветь трехлетний Самир и годовалая Самира.

Когда Сахиль в очередной раз хлопнул дверью, малыши заплакали так, что уже не прекращали громкого рева. Натаван обняла Самира, а Фазилат взяла на руки Самиру, но успокоить их никак не могли. Вдруг Сахиль вырвал девочку из рук матери и швырнул на кровать:

- Не трогай ребенка, не нужна ей твоя забота.

Униженная, оскорбленная в своих чувствах, Фазилат произнесла глухим голосом:

- Сахиль, дитя, ты болен, тебе нужно лечиться.

- Ты права, я болен. Но я заболел по твоей вине, по твоей! - сказал Сахиль, снова срываясь в крик. Чтобы не слышать этого крика, Фазилат зажала ладонями уши и поднялась с места. Для нее больше не имело смысла оставаться здесь. Слова, что давно уже хотела сказать сыну и держала в сердце, застряли в горле комком обиды.

Ей казалось, что стены в квартире сына вот-вот обрушатся на нее. Еще немного - и она, потеряв равновесие, упала бы навзничь. Но ее это не пугало, просто ей не хотелось, чтобы такое произошло в стенах этого дома, на глазах у сына. Ведь он и не посочувствует ее боли. Что может быть унижительней и больней для материнского сердца? Нет, с нее уже хватит, больше она не потерпит унижений.

В эту минуту Фазилат молила бога лишь об одном - дать ей сил, чтобы вернуться домой. А после - будь что будет, все она примет. Устало волоча отяжелевшие ноги, прошла в прихожую, оглянулась назад на сына. Не нашлось, что сказать. Так и оказалась на улице с тяжелым грузом на сердце. Уже

в подъезде услышала голос невестки:

- Ты нехорошо поступил, Сахиль.

Тот отвечал:

- Правильно и сделал, нужно было еще больше сказать. Ты ее не знаешь!

Длиною с век показалась Фазилат дорога до дома. Как только вошла, так и легла на кровать. У нее зуб на зуб не попадал. Замин был встревожен состоянием жены. Он укрыл ее двумя одеялами. Но Фазилат никак не могла отогреться.

* * *

В последнее время дела у Сахилия шли из рук вон плохо. Жил он в долгах, как в шелках, причину всех своих неудач возлагал на родителей, в основном - на мать. Фазилат знала, что у него накопилось немало долгов, вылезти из которых ему было очень тяжело. Знала, но ничем не помогала сыну. Вот уже более года, как мать и отец перестали интересоваться его житьем - бытьем, не оказывали материальной помощи молодой семье.

После женитьбы сына, в течение последних четырех лет они вели себя так, будто полностью исполнили свой родительский долг. Это и выводило Сахилия из себя. Он стал очень редко бывать в доме у своих родителей, наказал это и своей жене. Когда Натаван спрашивала, отчего вдруг у него так изменилось отношение к родителям, он начинал злиться:

- Что это за родители? Я тут с долгами никак не могу расплатиться, а они живут себе припеваючи.

- Отец твой - пенсионер, а небольшой зарплаты матери только на еду, наверное, и хватает, - возразила Натаван, - как же они помогут нам?

- Мы вчетвером, ты и я, да двое детей ютимся в двухкомнатной квартире, а они вдвоем трехкомнатную занимают, - ответил Сахиль, - сколько раз я предлагал им обменять ее на одну комнату, доплату хорошую получить. Не соглашаются.

Долго ли жить им осталось, а вот не поступят никак своими удобствами.

- Не будь таким эгоистом, Сахиль. Твоим родителям еще жить да жить. Они ведь далеко не стары. Это ты просто рано женился.

Натаван никак не могла понять, отчего это вдруг так изменилось отношение мужа к своим родителям? Правда, в то время, когда она с ним еще встречалась, Сахиль часто сетовал на них. Он рассказывал ей такие подробности своего безрадостного детства, что она невзлюбила заочно его мать и отца. Когда же стала их невесткой и близко узнала своего свекра и свекровь, то, напротив, убедилась в их нежном и заботливом отношении к своему единственному сыну. Они оказались очень добрыми людьми, совсем не такими, как расписывал их Сахиль. Натаван сразу стала для них, что родная дочь. Было видно, что им доставляет удовольствие помогать ей и в уходе за детьми, и по дому. Была очень трогательной такая, казалось бы, мелочь - свекор и свекровь не забывали про гостинцы для детей.

Так чем же был недоволен Сахиль? Натаван вскоре поняла причину нелюбви мужа к родителям. Это было связано с его отношением к своей бабушке.

В последние месяцы Натаван много раз увещевала Сахилья быть поласковой с родителями. Но все оказывалось впустую, и она просто перестала заговаривать с ним об этом. Его последнюю выходку - столь жестокое обращение с родной матерью простить не могла. Ей даже и смотреть на него не хотелось.

Тот закрыл глаза, обхватив голову руками. В памяти оживали эпизоды детских лет.

...Мать очень была рассержена двумя "двойками" в его дневнике. Сообщила об этом отцу, как только он пришел с работы. Отец решил наказать его, а мать, которая по мнению мальчика только этого и ждала, теперь делала вид,

что не выдерживает, как его бьют. Сахиль исподлобья смотрел на родителей ненавидящим взглядом: "Вот вырасту и отомщу вам".

Вспомнилось, как мать загоняла его купаться. Он этого больше всего не любил. Поэтому каждый раз возникали шумные споры.

- Отстань от меня, - кричал Сахиль, - не хочу я купаться!

Но ничего не помогало. В ванной Сахиль вытирался, так и не испугавшись. Когда он выходил оттуда, мать по его совершенно сухим волосам догадывалась обо всем. Разозлившись, она начинала избивать его. Все кончалось тем, что плакали оба: она - от злости, он - от обиды. Вот бабушка, думал Сахиль, никогда и ни к чему его не принуждает. Да и ни за что не повысила бы голоса, не подняла бы руки на него.

Бабушку, кажется, просто забавляло все, что бы не сделал Сахиль. А от родителей только тумачи ему и доставались. Они утихомирились лишь после того, как Сахиль поступил в институт. Правда, поучать его так и не перестали, но это все-таки не побои.

Больше всего не нравилось ему, когда его "воспитывают". Каждый раз после нравучений он целыми неделями не заговаривал с родителями, сторонился их, как мог. Отец и мать наказывали его и за это. Сахиль с каждым разом ненавидел их все сильнее.

Безрадостные картины детства глубоко врезались в память - окрики, тумачи и слезы. Но всегда была и любимая бабушка: добрая, понимающая и справедливая. К ней можно было придти со всеми своими обидами - расцелует, обнимет, утешит. Он бабушку любил еще и за то, что она никогда и нигде не работала. Ей доставляло куда больше удовольствия, по ее собственному признанию, оставаться дома и заниматься своими детьми. Сахиль считал это очень важным - настоящая мать всецело посвящает свою жизнь детям.

Бабушке он поверял самые сокровенные мысли и чувства.

Она была для него лучшим другом. Сахиль только ей и мог пожаловаться, посетовать на своих родителей и всегда встречал понимание, бесконечное понимание.

- Э-эй, дитя мое, у твоей матери каменное сердце, - говорила она, - ничего и никого не видит, кроме своей работы.

Сахиль прижимался к ней, радуясь тому, что нашел единомышленницу.

Как-то мать опять за что-то лупила его. Бабушка, которая приехала к ним в гости, вырвала его у нее из рук:

- Ты же мальчика убьешь! Как это можно?

Сахиль со слезами прижался к бабушке.

Теперь, вспоминая про все это, он испытывал еще большую ненависть к матери. Не было в мире второго такого человека, которого Сахиль ненавидел бы сильнее.

* * *

Фазилат с горечью думала, что упустила из рук самое ценное для себя, навсегда, навеки потеряла расположение родного человека, единственного сына. Этого уже не вернуть, как ни стараться. Если даже стать волшебницей, теперь уже было поздно. Слишком поздно, чтобы что-либо можно было изменить.

Каждое слово сына глубоко врезалось в память, ядовитой стрелой вонзалось в самое сердце, отзывалось в нем жестокой болью.

Она терзалась вопросами: "Неужто я была столь суровой, жестокой и безжалостной матерью? Неужто я так не любила Сахиля, была с ним столь неласкова? Может, он прав, считая меня бессердечной, бесчувственной? А если это так, то стоит ли мне жить?"

Неотступным виденьем представало перед ней искаженное ненавистью лицо Сахиля. До чего же несчастной, до чего же потерянной чувствовала себя Фазилат! Ей было так тяжело осознавать, что "сыграла столь неблагоприятную роль" в

жизни своего сына, она чувствовала себя такой виноватой перед ним, что и не знала, как ей дальше быть. "Где же я допустила ошибку? Что упустила из виду? Что я сделала такого, за что мой сын возненавидел меня?" - она пыталась найти ответы на свои вопросы. Их было много, ответ на каждый из них - непрост. Потрудней, чем в сложнейшем кроссворде. Ей впервые стало ясно лишь одно - во всем виновата она сама. "Дети расплачиваются за грехи своих родителей. Хорошая мать не воспитает плохих детей. Мне не удалось достойно воспитать сына. Значит, я сама виновата".

За последние несколько лет Сахиль очень изменился, охладил к своим родителям. Он с детства сторонился и матери и отца. Был привязан к бабушке и дедушке. Что бы ни делала Фазилат, не нравилось ее сыну, он всегда был недоволен ею: "Бабушка так не считает", "бабушка так бы не сказала", "вот скажу я бабушке", "пусть бабушка решит", - давал он понять Фазилат, как мало считается с ее словом и мнением. Никак не найти было ей пути к сердцу своего сына. Будто незримая сила их разъединяла.

Бабушка очень любила Сахила, дышала внуком. Но эта ее привязанность к внуку возымела и неприятные для него последствия. У нее вроде и не было трений и споров с невесткой, но все же она не благоволила к Фазилат. Невольно свою нелюбовь передавала и внуку, чего Фазилат не могла не почувствовать материнским сердцем. Но она как-то остерегалась говорить об этом.

Она старалась припомнить - в чем же еще могла провиниться? "Эх, не сумела Сахила я грудью вскормить. Только два месяца он и знал вкус материнского молока. Пришлось перевести его на "смесь". А такие дети вырастают холодными".

"Ты ведь тяжело заболела, когда родился Сахиль, и молоко у тебя пропало", - подсказал ей внутренний голос. Но он был так слаб, что его заглушил упрек: "У хорошей матери молоко не пропадает".

- Ты не была мне матерью, бросила меня на попечение бабушки, - после этих слов Сахилия для нее померкли все краски жизни.

Фазилат все еще лежала под теплыми одеялами в темной комнате, раздумывая над отношениями, которые сложились у нее с родным и единственным сыном. Она вынуждена была признать - у него есть все основания быть недовольным ею. Мальчику было только восемь месяцев, когда она оставила его в деревне и уехала в Баку - сочла, что работа была важнее. Это был самый нежный возраст, когда дети особенно восприимчивы. Да, она оставила мальчика на попечение бабушки, но ведь с ее же согласия. Фазилат помнит слова своей свекрови: "Поезжай, не беспокойся. Замину тоже пусть не будет в городе так одиноко. А я тут присмотрю за малышом". Скажи она невестке, чтобы не уезжала, та осталась бы, конечно, в селенье. Ведь Фазилат была еще молода, любила свою работу. Оттого и пришлось ей по душе слова свекрови.

Пока Сахилию не исполнилось четырех лет, Фазилат каждую пятницу ездила к нему в село. Два своих выходных дня с утра и до вечера занималась хозяйством в большом доме. В понедельник спозаранок возвращалась автобусом в город и прямо с вокзала направлялась на работу. Она была признательна свекрови, свекру, еще незамужним золовкам за их более чем заботливое отношение к своему сыну. Все они очень любили Сахилия. Этому можно было только радоваться.

- Ты исчезла, бросив меня на попечение бабушки. Эта она меня вырастила, взяла на себя все заботы обо мне, - этот упрек сына звучал для нее как смертный приговор. Ничего в жизни она не боялась так, как этих слов.

"Он прав, будь я хорошей матерью, не перекинула бы на других заботы о своем ребенке, которому едва исполнилось восемь месяцев", - подумала с болью в душе Фазилат. Ей вспомнились и трудности жизни в большой семье. Ей, как

невестке, приходилось выполнять любую тяжелую работу по дому - это считалось в порядке вещей. И сама она полагала, что это ее долг перед домочадцами - ведь они присматривали за малышом. Самой ей редко выдавалась возможность побыть с ним, приласкать, приголубить его. Бывало, только ночами могла она прижать ребенка к своей груди, досыта надышаться с ним одним воздухом.

Замин, который бывал по горло занят своими делами, был несколько холоден к Сахилью. Он только от случая к случаю ездил в село вместе со своей женой. В то время они как-то не ладили между собой. Свекровь не могла простить этого Фазилат. Конечно, ей хорошо было известно, что Замин любит веселые компании, часто устраивает застолья дома и пренебрегает семьей. Но все свое зло она вымещала на невестке.

Как-то Фазилат укладывала мальчика спать. Уставшая за день, она задремала от своей колыбельной прежде, чем уснул малыш. Открыла глаза от прикосновенья к своей руке. Малыш лопотал что-то и припевал: "Баю-баюшки, бай-бай". Фазилат прислушалась и не поверила ушам своим:

- Чтобы тебе без мамы ласти-выласти, баю-баюшки, бай-бай.
- Сахиль, что это за слова?

Он улыбнулся:

- Так бабушка класиво поет.

Когда она сказала об этом свекрови, та и бровью не повела:

- Э-э, разве можно верить всему, что говорит ребенок?
- Будто не от вас я слышала, что устами младенца глаголет истина, - обиженно бросила Фазилат, что не на шутку рассердило свекровь. Она повысила голос:

- Выходит, что больше веришь несмышленому малышу, чем мне, взрослому человеку?

Фазилат промолчала, не стала спорить. Но на душе у нее остался неприятный осадок. То было предупреждением, но Фазилат не придала случившемуся особого значения.

Когда Сахилью исполнилось 4 года, его забрали в Баку. Он

был до того избалован и капризен, что Фазилат сочла лучшим выбором для него детский садик. А до этого бабушка увещевала мальчика:

- Джан, душенька ты моя, жизнью я пожертвую для тебя, твоя жестокая мать хочет отдать тебя в детский садик. Да разве ты выдержишь там?

Приучить его к детскому садiku оказалось куда сложнее, чем Фазилат ожидала. Каждый день приходилось его выводить из дома с громким плачем. Целый месяц ушел на привыкание ребенка к садiku. Ужасные это были дни. После отпуска по утрам, едва проснувшись, Сахиль умолял Фазилат:

- Мама, не отдавай меня в садик.

- Сахиль, пойми же, мне нужно идти на работу.

- Не ходи на работу, ну что тебе стоит, оставайся тоже дома, как это делает бабушка.

- Так нельзя, Сахиль. Если я не буду работать, кто же тебе будет покупать игрушки, костюмчики?

- Пусть папа покупает.

- Его денег на все не хватит, нужно, чтобы и я ему помогала.

- Не хочу твоих денег, хочу, чтобы ты оставалась дома со мной.

Сын был неумолим. Никакие уговоры на него не действовали. Каждый вечер, когда мать приводила его домой, он по долгу неподвижно сидел на стуле, обиженный на весь мир.

Как-то Фазилат вышла из кухни и, пройдя в гостиную, остановилась, как вкопанная. Сахиль со слезами на глазах обнимал за шею своего большого игрушечного коня:

- Ты у меня единственный. Никогда не отдам тебя в садик.

Так он выражал протест своего маленького сердца против того, чего не мог понять своим детским умом. Не мог понять и, значит, принять. Ему казалось наказанием, что родители отводят его в садик. Мальчик переживал, подолгу раздумывая над этим, как взрослые над какой-либо дилеммой.

Воспитатели были в отчаянии:

- Впервые мы сталкиваемся с таким упрямством.

Пусть и очень трудно, но все же Сахиль по привычке, наконец, к садику. Дело портило лишь одно - раз-два в месяц Замин увозил его к своим родителям. Это совсем не нравилось Фазилат. С каждой поездкой в село изменялось отношение мальчика к матери. Он становился не по-детски задумчивым и даже мрачным. Шли дни, и бывало, только начинал таять лед в их отношениях, как тут - новая поездка в село. И снова все повторялось.

Летние каникулы Сахиль, как правило, проводил вместе со своей бабушкой. Ждал этого времени с нетерпением. Летом это был другой Сахиль - с глазами, светящимися от счастья. Он не уставал бегать и прыгать, взбалмошный, надоедая всем. При этом к Замину и Фазилат был очень холоден, будто мстил им за то, что они отвозят его в Баку. Бабушка злорадствовала, видя такое отношение внука к родителям.

"Что и говорить, больше всех я сама и виновата. Вот и расплачиваюсь. Поздно своим ребенком занялась, чужим людям доверила его воспитание", - корила себя Фазилат, вспоминая, каким холодным взглядом смотрел на нее Сахиль. Опять ее бросило в дрожь. Невольно подумалось о том, что отчужденность Сахилия началась уже давно, со слов колыбельной, что напевала малышу его бабушка. Только ли это? А сколько, наверное, было такого, о чем Фазилат и не догадывалась. Да, холодное отношение к Фазилат ее родного сына имело глубокие корни.

"Боже мой, ну что это был за взгляд? Так и на врага не смотрят. Открытая ненависть. Разве можно так ненавидеть свою родную мать?" - она ужаснулась от этой мысли. Вспомнила слово в слово жестокие упреки Сахилия. Да, он ее ненавидит. В этом нет никаких сомнений. Фазилат осознала с тревогой, со страхом, что его неприязнь к ней - уже навсегда.

Мир бывает прекрасным, и жизнь хороша для тебя с род-

ными и близкими людьми, если есть между ними взаимопонимание. Знать, что ты им нужен, чувствовать, что в трудную минуту в каждом из них найдешь надежную опору и поддержку. Это, должно быть, есть подлинная мера полноты человеческого счастья. Нет страшной беды, если теряешь доверие самых родных и дорогих для тебя людей, как это и произошло с несчастной Фазилат. Она оказалась навсегда лишеной любви своего единственного сына. Как же теперь ей жить, для кого? Чему радоваться, чем гордиться? Какой жалкой выглядит она рядом с теми, кто беззаботен и счастлив. Кому она поведаёт свою печаль? Да и как сказать о ней, об этой печали? Не поделиться ею ни с кем. Если бы это было возможно, то день и ночь она говорила бы о ней, не выговорила бы. Значит, вся жизнь для нее сведется к неиссякаемой боли.

Все в этой жизни потеряло смысл для Фазилат. Чего же ей ждать от нее, если так жестоко обошелся с нею тот, кому сама подарила жизнь?

Невольно она начала перебирать в памяти разногласия в своих отношениях с сыном за последние дни. Кажется, что-то для нее прояснилось. Она в свое время взяла на себя решение всех забот и проблем Сахила. В школе, в свое время он учился не так уж и хорошо. Пришлось воспользоваться связями, чтобы устроить его в институт. Да и там на всех экзаменах Сахила аттестовали только благодаря ее знакомым. Близкие родственники шутили, что Фазилат окончила институт вместе со своим сыном.

Получив диплом, Сахиль, к удивлению всех, с достаточной твердостью заявил о том, что намерен жениться и жить отдельно от своих родителей. Ему только исполнился 21 год. Он и представления не имел о том, с какими может столкнуться трудностями и проблемами. Видно, не знал, как бывает, что и на хлеб насущный порой зарабатываешь с трудом. Поэтому его пытались отговорить от поспешного шага. Но

даже длившиеся целый год уговоры не возымели никакого воздействия. Он предупредил родителей, что если ему не позволят поступить на свое усмотрение, то он попросту покинет страну.

Разве могла допустить этого Фазилат? Нет, не выдержать ей было долгой разлуки с единственным сыном.

Справили свадьбу. Фазилат и Замин преподнесли молодоженам ключи от двухкомнатной квартиры. Близкие все полагали, что, возможно, теперь семейные заботы могут принудить его пересмотреть свое странное, холодное отношение к матери и отцу. Но проходили дни, месяцы, а он, против ожиданий, стал еще более холоден с родителями. Они были ему безразличны.

Сахиль с трудом сводил концы с концами. С появлением детей резко возросли расходы. Он никак не мог расплатиться с долгами. Каждый раз, когда сын попадал в трудное положение, Фазилат спешила к нему на помощь. Одалживала деньги, чтобы помочь выкарабкаться. Сахиль к этому привык, считал, что так оно и должно быть. Фазилат, хоть и спохватилась достаточно поздно, но все же, наконец, решила перевоспитать Сахилия, который не испытывал к ней никакой сыновней любви, привык считать ее своею палочкой-выручалочкой, умел подластиться к родителям, когда ему что-то было нужно, а, получив желаемое, забывал их и никогда не интересовался их житьем-бытьем.

В последний год Фазилат перестала оказывать сыну материальную помощь. Собственно, и не могла, при всем желании. Ей и Замину самим с трудом хватало заработанных денег. Она страдала: "Сахиль нуждается в материальной помощи". Бывало, пыталась успокоить себя: "Собственно, ведь это он бы должен взять ее и Замина на свое иждивение". И снова начинала корить себя: "Что же я за мать, если не могу помочь своему сыну?"

Да, семена последних обид Сахилия прорастали в течение

целого года. И проросли. Мелких обид хватало всегда. Сын уж вырос таким - считал, что все у него в долгу, а сам никогда не вникал в заботы других.

Фазилат вдруг так затосковала по сыну, что болью защемило ее сердце! Прижать бы его к груди, окунуться лицом в его волосы и помолчать, помолчать о своей безграничной и всепрощающей материнской любви. Вспомнила, что вот уже года два даже в лоб его не целовала - Сахиль этого избегал. При каждой попытке Фазилат приблизиться к нему, сын отдалялся от нее все больше. А как ласков бывал он со своей бабушкой! Обнимал, ластился к ней, целовал в обе щечки, поверял ей и мысли, и чувства, делился своими радостями. Матери только мечтать оставалось о таких отношениях с сыном. Только Сахиль будто и не догадывался о ее переживаниях и желаниях. Он не любил оставаться наедине с Фазилат, не хотел слышать ее излияний, признаний. Ей не вспомнить, чтобы сын хотя бы раз поинтересовался тем, как она живет.

Она была хорошим ученым, с ее мнением считались коллеги, сослуживцы. Ее любили родственники, друзья. Все о ней говорили: добрая душа, и мухи не обидит. А теперь все ее мысли занимала только напряженность в отношениях с Сахилем. Его поведение порождало немало вопросов, тревоживших Фазилат, доставлявших острую боль ее материнскому сердцу. Она не могла говорить об этом с мужем. Он не придавал бы значения ее словам. Не осознавал всей серьезности положения. А как-то даже упрекнул Фазилат:

- Это твоя старая привычка - раздувать из мухи слона. Лучше бы тебе угомониться и заняться своими делами.

Она обиделась на мужа и какое-то время не заговаривала с ним о Сахиле. Но как-то не выдержала, поделилась вновь с мужем своим беспокойством. Замин внимательно выслушал ее на этот раз и сказал:

- После твоих слов остается только одно - возненавидеть

родного сына. Ты этого хочешь?

Тогда Фазилат решила, что больше не станет с ним делиться своими тревогами. Загнала все переживания внутрь - с кем же еще поговорить о них? Кто бы мог ее понять? Ей казалось, что ни у кого не случалось таких напряженных отношений, как между ней и сыном.

Фазилат знала ровесников сына, которые как и он, воспитывались бабушками. Но они выросли не такими, как Сахиль. У них не было никаких особых претензий к своим родителям. Отчего же стал исключением Сахиль? Почему он был так не похож на остальных? Почему постоянно был кем-либо или чем-либо недоволен? Откуда это в нем - брюзжать, считая, что кто-то в чем-то виноват перед ним, повторять это со все новыми подробностями из раза в раз. "Видно, другие родители лучше нас, более внимательны и чутки", - винила Фазилат себя и Замина. Все раздумывала, как спасти положение, но ничего не могла придумать. Ее попытки приблизиться к сыну, найти к нему подход, быть ласковой не увенчивались успехом. Она так и оставалась в одиночестве со своими мыслями, с печалью, которой не было конца. Единственный сын одарял ее только печалью.

Если в жизни и было такое, о чем могла тосковать и чему позавидовать Фазилат, так это искренние чувства любви между родителями и детьми. У нее от обиды за себя на губах высыпало, как от малярии, когда видела детей, внимательных и чутких к своим родителям. А Сахиль ее все избегал. Фазилат не могла появляться с ним у своих родственников и друзей. Его всегда больше тянуло к отцовской родне, к друзьям Замина. Раньше она не придавала этому особого значения. Но с годами убедилась, что его неприязненное отношение ко всем ее близким еще более усугубилось. Это уже не могло не тревожить. Несомненно, здесь не обошлось без влияния свекрови. Ее странные уроки воспитания, наставления год за годом формировали душу Сахилия. А вода, как

известно, и камень точит.

Сахиль с детства был жестоким. Ему доставляло удовольствие истязать животных. Как-то наловил в канаве с ведро лягушек и высыпал их в саду. Кричал от радости, услышав, как они заквакали. А после поймал одну из них и оторвал ей лапы. Фазилат наказала его за это. Сахиль со слезами на глазах от обиды и злости размозжил камнем другую лягушку. Фазилат была потрясена. Два дня после этого она не могла придти в себя, не знала, что делать. А однажды Сахиль утопил в воде своего кролика. Душа у Фазилат противилась жестоким проделкам сына. Она никак не могла понять, откуда в мальчике такая безжалостность. Сколько не думала, так и не разгадала этой тайны. Было в этом нечто такое, чего она не могла постичь. Одно только ясно - многое мальчик проделывал, чтобы вывести ее из себя.

- Прошел твой озноб? - Это подсел к ней Замин.

- Пройдет. Это, наверное, грипп. Не беспокойся.

- Что-то не нравится мне цвет твоего лица, - сказал он, заглядывая ей в глаза.

- Не беспокойся, - повторила Фазилат, пытаясь унять дрожь в своем голосе.

- Может, чаю тебе принести?

- Пока не хочу. Спасибо.

Не было в жизни у Фазилат более печальной ночи. Ей казалось, что время остановилось. Но если это так, отчего же тикают часы? Да, это сердце стучит. Но она не помнит, чтобы оно у нее стучало вот так.

Фазилат, не мигая, внимательно вглядывалась в фотографию Сахилия. Вся в слезах только и шептала: *"Прости меня, сын мой, если можешь, прости. Я не сумела стать хорошей матерью для тебя, такой, о какой ты мечтал. Я достойна и гнева твоего, и ненависти. Принять бы мне на себя все муки твои и страдания, всю горечь и боль твою. Я не бы-*

ла для тебя хорошей матерью, хотя бы ты стань хорошим отцом для своих детей, не обижай их, не повторяй моих ошибок. Знаю, много печали накопилось в твоём сердце из-за меня, многое делала я неправильно, было немало неприятного в моём отношении к тебе. Но во всем этом не было никакой преднамеренности, все происходило само по себе, помимо моей воли. Не зависело все это от меня. Будь уверен в одном, я всегда любила тебя больше жизни. Иначе и быть не могло. Ты ведь у меня один, единственный. Ведь весь смысл жизни для меня связан только с тобой. Жаль, что дети не могут видеть материнское сердце. Если бы увидели, никто из них не ранил бы сердца своей матери. Но и я не читала в твоём сердце, не сумела - не хватило для этого сил моих. Вернее сказать, недостаточно старалась. Все я оставила на суд времени, на волю судьбы. Хорошая мать не сделает такого, будет бороться с жизнью, преодолеет все трудности, не отступит. Значит, я не была настоящей матерью, проявила слабость, беспомощность, когда следовало быть сильной для своего чада, не бросалась в огонь и воду во имя его любви. Чего-то стеснялась, чего-то боялась, чего-то остерегалась. Нет, не стала такой матерью, о какой ты мечтал. Прости меня за все это, Сахиль, прости мне мои бесчисленные недочеты, ошибки. Прости, прости, мой дорогой мальчик, свет очей моих..."

Фазилат затянуло в водоворот безнадежности, беспомощности. Угасла любовь к жизни. Жизнь утратила для нее красоту и притягательность.

"Он всегда будет холоден ко мне. Отчужденности его нечего и противопоставить. Может быть, он опомнится лишь тогда, когда меня уже не станет. А пока я жива, ничего не изменится. Его может вразумить лишь потрясение. Таким событием и станет для него моя кончина".

Эта неожиданная мысль как будто принесла ей маленькое, слабое утешение. Стала молить Бога о смерти, ни о чем и

никогда так не просила.

* * *

...Его разбудил телефонный звонок. Сахиль не понял, что говорит отец. Но он уловил дрожь в его охрипшем голосе:

- Твоя мать навеки закрыла глаза.

Сахиль похолодел. Мысль о чем-то неприятном заплутала в сознании.

- Я не пойму твоих слов. Говори поясней.

- Твоей матери уже нет.

- Как это - нет?

- Ночью... скончалась...

У Сахилия закружилась голова, земля словно уходила из-под ног.

Натаван испугалась, увидев его лицо - оно побелело, как мел.

- Что с тобой? Что-то случилось? - встревоженно спросила она. Сахиль не услышал, а если бы и слышал, не смог бы ответить. Весть потрясла все его существо. Случилось такое, о чем он и подумать не мог. Его будто парализовало. Он еще не успел до конца осознать услышанную весть. Как это - мать скончалась? Ведь только вчера она была здесь, цела и невредима. Сколько же ей было лет? Кажется, месяц назад исполнилось 46. Что с того, что Сахиль не зашел к ней на день рожденья, и по телефону не поздравил?

В его ушах снова зазвучал дрожащий голос отца: "Твоей матери нет". Невольно и горько подумалось: "Может, он шутит?"

Набрал телефонный номер родителей. Ответил незнакомый человек. Был слышен плач. Бросил трубку и пошел к выходу. Спустился по лестнице, перешел улицу. До родительского дома - 400-500 метров. Он чуть ли не бежал, будто за ним гнались. Не замечал, что дует холодный осенний ветер, что вышел из дому в легкой тенниске и тапочках. Ничего и никого он вокруг не видел и не слышал.

Когда с лицом, бледным, как полотно, Сахиль, запыхавшись, вошел в дом, кто-то обнял его за плечи. Кажется, это была соседка:

- Мужайся, Сахиль, со всеми бывает.

Сахиль отстранил ее от себя движением руки и еле слышным голосом спросил:

- Где моя мать?

- Там, в спальне.

Мать лежала на своей кровати. Смерть еще не полностью тронула цвет ее лица. На первый взгляд даже казалось, что она просто спит. "Вот бы произошло чудо, открыла глаза и глянула на меня", - подумал Сахиль. Он стоял у двери, не смея приблизиться к ней.

- Проходи, сынок, посиди возле матери. Больше ты ее не увидишь. Не стой так, выплачь свое горе. Никто на свете тебе не заменит мать, - это говорила сквозь слезы та женщина, что встретила его у входа.

Женщина прошла в смежную комнату, а Сахиль все еще стоял в замешательстве. Вошел Замин:

- Ночью скончалась. Я узнал только утром. Вчера состояние было неважное. Но в последнее время с нею часто бывало такое. Вот я и не придал значения. Откуда же мне знать, что это произойдет.

Голос у отца задрожал. Сахиль только теперь заметил, как он состарился. Почувствовал жалость к нему: "Отцу будет тяжело". А тот начал говорить про что-то, кажется, про мечеть, про омовение, про то, что уже ездил на кладбище, что вынесут покойницу в 2 часа... Сахиль слушал и ничего не понимал. Не отрывая взгляда, продолжал смотреть на мать. Кажется, только теперь начал осознавать, что случилось непоправимое. Кажется, сделал свое дело дождь упреков, обрушенных им вчера на голову матери. Ее сердце не выдержало.

Сахиль робко приблизился к матери, пригнулся над ее изголовьем. Впервые с того дня, как начал осознавать себя,

обхватил ее голову руками и стал осыпать поцелуями уже похолодевшее лицо. Он плакал навзрыд, как дитя, обливая слезами волосы, лицо и шею матери. Но ей этого уже не было нужно. Ее уставшая, исстрадавшаяся душа покинула этот мир. Лицо обрело землисто-желтый оттенок. Под глазами обозначились темные круги, волосы уже не назвать было седыми, они стали белоснежными.

Сахиль поднял к своим губам похолодевшую руку матери и вздрогнул, увидев зажатую в ее ладони фотографию. Это он сам - снимался в день окончания десятого класса. В последние мгновенья жизни мать вглядывалась в его фото. Сахиль был потрясен.

Время перестало быть реальностью для него. Он положил голову на грудь матери и забылся во власти воспоминаний. Впервые почувствовал, как пронизывает сознание свет и тепло безвозвратного детства, отрочества и юности.

...Сахиль лежал в больнице. Жар не спадал. Когда, наконец, открыл глаза, мать ласково прижимала его к своей груди, целовала в лицо. Она сильно сдала от усталости, недоедания и бессонных ночей над его изголовьем.

- Ах, Фазилат, что ты так убиваешься? Дети так и растут, болеют и выздоравливают, - пытались хоть как-то привести ее в чувство все, кто навещался в больницу. Но она будто ничего не слышала.

У Сахилия тогда было заражение крови. Ровно двадцать дней пролежал он в горячке. Только после этого температура начала понижаться, и дело медленно пошло на поправку. Когда его выписали из больницы, от матери оставались лишь кожа до кости. Будто не он болел, а она.

Сахилю было семь лет. В селенье вместе с соседями пошли в лес. Он прятался от матери за деревьями: "Пусть подумает, что я заблудился". Она в панике начинала звать, окликать его, а он лишь усмехался себе, глядя на нее из своего укрытия.

Потом стали играть в казаков-разбойников. Ничего на свете не любил Сахиль больше этого. Ему нравилось, что в этой игре присоединялась к детям и мать. К его радости, бывало, даже плутовала. Когда возвращались, у Сахилия подвернулась нога. Мать несла его на спине больше двух километров.

...Как-то вдвоем с матерью поехали они в гости к родственникам в дальнее село. Фазилат, которая знала, как Сахиль любит лошадей, приготовила ему сюрприз. В его распоряжение на три дня предоставили скакового коня. Потом весь год он переживал впечатления от той поездки. По памяти написал десятки акварелей. Мать устроила ему персональную выставку в детской художественной галерее.

...В Баку, на пустыре за их домом из земли выходила какая-то странная глина. Каждый день, возвращаясь домой из школы, Сахиль специально проходил через пустырь, чтобы набрать этой глины в подол своей рубашки. Мать решила, что лучше для этого класть ему в ранец бумажные кульки. Но он все равно продолжал набирать глину в подол рубашки, чтобы разозлить мать. А она только немного поворчит и тут же выстирывала рубашку. Для нее не было секретом, что Сахиль увлекся скульптурой. Он лепил фигуру коня. Вот уже десять дней бился над этим. Несколько раз мать и сама ходила вместе с ним на пустырь за глиной. Она больше всех радовалась его творческим способностям.

Когда, наконец, скульптура коня удалась, ее поставили на шкаф. Получилась на славу. Мать не уставала любоваться. Вечером из-за неосторожного движения Сахилия скульптура упала и разбилась. Сахиль заплакал с досады. Вместе с ним и мать. Тогда он разозлился на нее из-за этого.

...Угрызения совести запоздали. Теперь все в прошлом. Отныне он остался без матери. Ему не видеть и не слышать ее. Отныне не будет он обижать свою мать, досаждать ей напрасными упреками, отравлять ей жизнь.

Ему было не по себе от своих воспоминаний. Запоздали они, пришли вместе с угрызениями совести лишь теперь, когда мать уснула навеки. Запоздало его раскаянье в своей несправедливости и жестокости к ней. Она уже никогда об этом не узнает.

Мать скончалась еще молодой и красивой в свои 46 лет, скоропостижно ушла из жизни. Сиротливо и пусто стало Сахилию без нее на свете. Он осознавал, что повинен в ее кончине. Любящее материнское сердце не выдержало его беспримерной жестокости. Это стало последней каплей, переполнившей чашу ее терпения.

Мать отвезли для омовения в мечеть. Оставшиеся дома родственники переговаривались между собой.

- Что толку откладывать, у нее только один сын и он здесь. Нужно сегодня же и похоронить.

Тети и дяди Сахилия старались не проливать слез. А бабушка плакала громко - на публику:

- На кого же покинула ты нас, невестка наша, вай-вай!

Это раздражало Сахилия. Впервые был так неприятен ему голос любимой бабушки.

В два часа похоронная процессия двинулась на кладбище. Сердце Сахилия пронзило острой болью. Мать уносили туда, откуда нет возврата. Она уже никогда не одарит его своей обаятельной улыбкой, не поговорит с ним, не спросит о делах, о заботах, не будет больше ее советов и помощи.

Он почувствовал себя таким несчастным... В ком теперь ему искать поддержки, кто протянет ему руку, если споткнется и упадет, кто дорогу укажет, если заблудится, кто утешит в трудные минуты? Ведь ни шагу в жизни не сделал Сахиль без материнского участия. Все было связано с ней - диплом, работа, армия, квартира, семья, дети. Теперь он останется один на один со всеми своими проблемами в этом огромном мире. Нет никого на свете, кто стал бы печься о нем, как мать. Кому он нужен? У каждого - своя жизнь.

Каждый раз, когда Сахиль обижал мать, она говорила:

- Мне нужно умереть, чтобы ты понял, кто я для тебя. Пока я жива, тебе этого не понять. Такова человеческая природа: что имеем - не ценим, а потеряв - плачем. Ничего, придет день, когда меня не станет. Тогда и поймешь, что такое материнское сердце.

Перед глазами стояло родное, ласковое лицо матери. Сахиль думал о том, что никого на свете не любил, как мать. Только отчего-то никогда не выказывал этого, стеснялся. Он таил свою любовь столь глубоко, будто боялся, что его четвертуют, обрекут на самое суровое наказание. Будто кто-то ему наговаривал, что это нехорошо - любить свою мать. Кто же его принуждал к дурным, необдуманным поступкам по отношению к ней?

Вспомнилось, что ни разу в жизни не преподносил матери цветов, никаких ей не делал подарков. Месяц назад был у нее день рождения. Она позвонила ему на работу - просила зайти. Позвонил и отец, не знал, что Фазилат его опередила. Оба звонили по несколько раз, но Сахиль так и не соизволил зайти к ним. Продемонстрировал свое равнодушие и безразличие к матери.

Сахилю вдруг стало так больно за свою мать, так жалко ее... Наутро после дня своего рождения мать, как ни в чем не бывало, заехала к ним, обняла и расцеловала невестку, поиграла с внуками. А потом выложила на стол сладости, которые привезла в большой сумке. Самое главное - любимый торт Сахила: ореховый. Он, в свою очередь, тоже как ни в чем не бывало, с удовольствием скушал кусок от этого торта. Опять сделал недовольный вид:

- Много ореха. Так и не научилась печь торт.

Натаван решила спасти положение:

- Не обращайте внимания на его слова.

Потом она принесла и поставила на стол бутылку шампанского. Обратилась к мужу:

- Вчера был день рожденья твоей матери, хотя бы теперь скажи тост, поздравим именинницу.

Видя, что он сидит совершенно безучастным, сказала свекрови:

- Станный какой, вчера звонил домой через каждый час, говорил, жди, вот-вот буду, поедем к матери. А пришел домой только в 11 часов ночи.

Натаван пришлось самой раскупорить шампанское и разлить по бокалам. Тост она тоже произнесла сама:

- С днем рожденья, мечтаю, чтобы наша дочь была похожа на вас.

Сахиль прервал ее:

- Не дай Бог!

Натаван виновато глянула на свекровь:

- Ради Бога, не обращайтесь на него внимания. Он и сам не знает, что говорит.

Мать и в самом деле, кажется, не обратила внимания на его слова. Взяла на руки Самиру, которая точь в точь была похожа на бабушку, ласкала и целовала внучку. Но когда уходила, была какой-то странной, растерянной. Сахилью это припомнилось только теперь, когда с того дня прошло уже больше месяца.

Он себя возненавидел. Он плакал из-за своих бесчисленных грехов перед матерью.

Больше матери не было, той, которую все любили, уважали, а он избегал, сердце которой ранил своей холодной отчужденностью, которой доставлял столько страданий. Нет матери, которая одна и сопереживала его горестям, вникала во все его нужды, любила и понимала его, всегда думала и пеклась о его благополучии. Никто и никогда ее не заменит.

Словно с того света доносился голос матери:

- Побойся Бога, не кури эту гадость.

Его пронизала дрожь. Вчера мать заходила к ним, чтобы об этом ему и сказать. Она его умоляла. А Сахиль возму-

тился, чуть ли не до безумия. Вчера он и слушать ее не хотел, мало того, что не признал своей вины, да еще пытался доказать, что именно она является виновницей всех его несчастий. Вчера Сахиль был будто сам не свой. А сегодня все изменилось.

Он провожал свою мать в последний путь.

1998 г.